

Пролог

У меня никак не получается вспомнить, какой сейчас год. Я стараюсь что есть сил, но так и не могу понять, сколько времени нахожусь в доме престарелых. Эта больница — пристанище для стариков, немощных, забытых... и забывчивых. Я попросил сестру — молоденькую женщину с веснушчатым лицом и тихим голосом — подсказать мне, но она не ответила. Сказала, что я снова разволнуюсь, а для меня это вредно, и вообще, дескать, время не имеет значения. Но мне кажется — еще как имеет. Видите ли, я не сомневаюсь, что живу здесь уже слишком давно. У меня ужасное чувство, что я провел тут долгие-долгие годы.

Я знаю, что оказался здесь в 1915 году. По крайней мере, помню хоть это. Я записал дату в книжечке, которую мне тогда подарили. Записную книжку в кожаном переплете вручил мне во время первого сеанса доктор Арнольд, чтобы я записывал туда все, что не в силах удержать моя поврежденная память. «Все, что с вами происходит, — напутствовал меня врач, — сразу же заносите сюда».

Эти слова мне почему-то запомнились. Хотя я столько всего позабывал, его голос слышу как сейчас, вижу пылающий камин в его кабинете, чувствую жар огня, будто сижу прямо перед ним, и кожу под синей пижамой

покалывает от тепла. «Смотрите на прошлое, как на мозаику-головоломку, — продолжил доктор, — которую вам нужно собрать. Старайтесь не упустить ни кусочка».

Я уже давно не видел Арнольда. И не могу припомнить, когда и почему прекратились наши встречи. Возможно, он сдался, так и не разгадав мою загадку.

Но я ни за что не позволю себе сдаться.

Сегодня утром после чая я внезапно уснул. Такое порой случается. Я никогда не противлюсь этому. Сны — это все, что у меня осталось от того мира, частью которого я, несомненно, когда-то являлся. Тот мир — теплый, светлый и цветной. Он был наполнен жизнью. Я смутно припоминаю разгар вечеринки на берегу моря. Ничего общего со здешними пресными мероприятиями с канапе, разбавленным спиртным и отсыревшими крекерами. Там было шумно и многолюдно. Играл регтайм-бэнд.

В стороне от всеобщего веселья виднеется силуэт женщины в шелковом платье. Она стоит ко мне спиной, едва касаясь спинки стула затынутыми в перчатку кончиками пальцев.

Это была ты. Я уверен, что это ты.

Закатное небо над головой, казалось, было озарено гигантским взрывом. Я наблюдал, как ты смотришь вверх, любовался изгибом твоей шеи, ждал, когда же ты повернешься и заметишь меня. Что-то — может быть, память? — подсказывало, что ты так сделаешь.

Ночь наполнилась аплодисментами, первыми аккордами незнакомой песни, а я все ждал.

Ты медленно опустила голову. Подбородок над обнаженным плечом. Очертания скулы.

Я затаил дыхание. Сидя в кресле и видя сон, перестал дышать.

Проснувшись, как бывает всякий раз, прежде чем я успеваю хоть мельком увидеть твое лицо, я почувствовал на щеках слезы.

Не помню, как ты выглядишь, но уверен, что, увидев тебя, тут же узнаю. Ты, несомненно, прекрасна. Хочется думать, что однажды мы были счастливы вместе. Мы были красивой парой. Я убеждаю себя, что нас когда-то связывала любовь, а возможно, семья и дети... Но теперь я здесь, старый и одинокий, а тебя нет рядом, и я понятия не имею, как все это случилось.

Всё, что мне нужно, — вернуться к тебе, но эта возможность тает с каждым днем. Несмотря на то что мне часто снятся эти сны и я терпеливо жду, что мой поврежденный разум подкинет хоть малейшую зацепку, которая приведет меня к тебе — первую букву твоего имени, название места, хоть какую-то мелочь, — ничего не происходит. Мне неведомо, откуда ты, кем ты мне приходишься и жива ли. Час за часом каждый божий день я изо всех сил стараюсь вспомнить, но порой забываю даже о том, как пытаюсь воскресить в памяти твое имя.

За все эти безумно долгие годы у меня так и не появилось представления о том, где я побывал, какие повороты судьбы разлучили нас, почему в 1915 году я оказался в больнице.

И кто же я вообще?

Глава 1

Бомбей, 31 декабря 1913 года

Мэдди всегда удивлялась тому, как за короткое время жизнь может полностью измениться безо всякого намека или предупреждения. Особенно часто она думала об этом после того Нового года. Мэдди часто застывала в задумчивости, поражаясь, какой беспечной была в последние часы 1913 года среди неистовства новогодней вечеринки в Королевском яхт-клубе и даже не подозревала, что ждет ее за поворотом. Но в ту ночь, по мере того как стрелки часов все ближе подкрадывались к началу 1914 года, все ее мысли занимали только жара и музыка: регтайм-бэнд заиграл новую композицию, наполнив душный, залитый свечным светом зал клуба мелодиями Скотта Джоплина. Содрогающийся танцпол наводнили парочки, и множество блестящих вечерних платьев и фраков понеслись над дощатым полом в скором шаге.

Она и не догадывалась, что уготовано ей судьбой.

Мэдди стояла у края площадки. После последних пяти танцев она радовалась возможности побыть лишь зрителем, восстановить дыхание и, прижав к щеке бокал с джин-тоником, ощутить его

успокаивающую прохладу. Катая бокал по пылающей коже, она внимательно изучала это новое для себя окружение, такое необыкновенное и причудливое. Мэдди, только что выпорхнувшая из мягкого, уютного мирка тети и дяди в Оксфордшире, то и дело возвращалась к мысли, что хоть она и не собирается с ходу привлекать к себе всеобщее внимание и свет софитов, но, пожалуй, уже может считаться частью этой знойной, чужой страны. Даже по бомбейским меркам это была шикарная вечеринка. Танцпол окружали покрытые белыми скатертями столы, ломившиеся от блюд со слоями карри, пшеничными лепешками наан и экзотическими фруктами. На длинной деревянной барной стойке сгрудились супницы с пуншем и ведерки с шампанским. Повсюду, на столах и на стенах, горели фонарики, окрасившие в яркие цвета деревянные панели на стенах. Их восковой запах смешивался с ароматом духов, помады для волос и влажным теплом, веявшим через открытые двери веранды. Елки не было. Вероятно, в Индии найти ее невозможно. Вместо нее возле парадного входа в зал для танцев стояло шаткое сооружение из банановых и манговых веток, украшенных игрушками. Эта странного вида конструкция меньше всего напоминала елку и скорее мешала почувствовать Рождество. То же можно было сказать и о размякших от высокой влажности бумажных шапочках, которые Ричард, отец Мэдди, заставил всех надеть в честь праздника. Как же странно есть на обед рождественскую индейку, сидя на иссушенной солнцем веранде, и при этом смотреть на разгуливающих вокруг павлинов.

Ричард только что сменил очередную шапочку. Невозможно было удержаться от смеха, глядя на него с противоположного конца зала: глава гражданской службы в Бомбее, до мозга костей государственный служащий в безупречном фраке и лихо восседавшей на седеющих волосах короне в горошек. Он уговаривал Элис — мать Мэдди — пойти потанцевать с ним. А она, в отличие от многочисленных гостей, казалась свежей и прохладной, как огуречный коктейль Пиммс. Красивые кудри уложены волосок к волоску, на фарфоровой коже нет и намека на влажный блеск. Элис подняла руки, упрятанные в перчатки, однозначно давая мужу понять, что танцевать не пойдет. Мэдди стало любопытно, не теплилось ли у матери где-то в глубине души хоть малейшее желание поступить иначе и сказать: «Да. Конечно. Да, черт возьми!» Ей так хотелось, чтобы она согласилась. Было бы здорово увидеть, как мама наконец даст волю чувствам, возьмет Ричарда под руку и сорвется с места в карьер в радостном азарте, как и все вокруг.

Но Ричард уже отходил от Элис со смиренным выражением на обветренном лице. Мэдди почувствовала жалость к отцу, когда он, вскинув подбородок, направился к бару. Чего стоило Элис потанцевать с ним? Мэдди оттянула влажную горловину платья и даже не стала пытаться искать ответ на этот вопрос. К тому моменту она жила в Индии уже два месяца, с тех пор как вернулась к родителям после целого десятилетия, проведенного в Англии. Ее, как почти всех детей из Раджа — Британской Индии, отправили на родину учиться в школе, а заодно чтобы уберечь от тропических

лихорадок, которыми она так часто болела в детстве. «У нас не получалось обеспечить твое благополучие здесь, — не раз грустно объяснял ей отец. — Мы с ума сходили от страха за твое здоровье...» Мэдди чувствовала, что за эти два месяца не стала понимать свою резкую, сдержанную мать хоть чуточку лучше, чем в тот знойный октябрьский день, когда сошла с корабля в Бомбее, воссоединившись с ней после долгой разлуки.

— Вовсе ни к чему быть такой серьезной, — раздался голос слева от Мэдди, заставив ее вздрогнуть от неожиданности. — Ведь сегодня же Новый год.

Она обернулась и встретила насмешливый взгляд подруги, Деллы Уилсон. Они вместе ехали из Тилбери. Их каюты находились в одном ряду, так же как каюты других незамужних женщин, державших путь в Индию к родственникам. Делла направлялась к своему старшему брату Питеру. Девушек сблизила любовь к ранним ужинам на корабле, а также ощущение неловкости от того, что другие пассажиры, несомненно, причислили их к «рыболовной флотилии» — девицам, которые отправлялись в Индию исключительно в поисках мужа. «Моя матушка надеется, что именно этим я и буду здесь заниматься, — вещала тогда Делла, набив рот шоколадным эклером. — Собственно, поэтому она меня и отпустила. А я не то чтобы против, — она проглотила пирожное, — но охота на тигров все-таки мне больше по душе».

— Откуда ты появилась? — удивилась Мэдди. — За вечер я тебя ни разу не видела.